

Виктор Фет

ОТБЛЕСК

Новосибирск
2008

УДК 8-1

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5

Ф45

Виктор Фет. Отблеск / В. Фет. — Новосибирск :
Академическое издательство “Гео”, 2008. — 163 с.
ISBN 978-5-9747

Об авторе:

Поэт, биолог. Родился в 1955 г. Окончил Новосибирский университет в 1976 г. До 1987 г. работал в Средней Азии, с 1988 г. в Северной Америке. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния). Публиковался в периодике США, Германии, России, Болгарии, в основном в журналах “Литературный европеец” и “Мосты” (Франкфурт), а также в литературных ежегодниках “Встречи” и “Побережье” (Филадельфия), “Альманахе Поэзии” (Сан-Хосе), “Зеркало” (Лос-Анжелес), в ежегодном альманахе НГУ “К востоку от солнца”. Один из авторов антологии “Общая тетрадь. Из современной русской поэзии Северной Америки” (М., 2007). Книги: “Под стеклом” (Новосибирск, 2000), “Многое неясно” (Новосибирск, 2004). Первым перевёл на русский язык “Охоту на Снарка” Л. Кэрролла (перевод закончен в 1982 г., опубликован в 2001 г.). Стипендиат международного Хоторнденского фонда литераторов (Шотландия, 2001). Корреспондент журнала “Литературный европеец” в США.

Интернет: <http://victorfet.com>, www.ggause.com, www.netslova.ru/fet

Издается в авторской редакции

Обложка и фотопортрет работы Георгия Гаузе

© В. Фет, 2008

© Оформление. Академическое
изд-во “Гео”, 2008

ISBN 978-5-9747

СОДЕРЖАНИЕ

Пока есть время	7
Файлы	8
Карта	9
Тогда	11
Постдоку	15
Другу	16
Всё	17
Река памяти	18
Театр	22
Что, если?	23
Ещё неизвестно	24
Две песни к спектаклю “Ревизор”	25
Патриотическо-астрологическая песня	28
Биотехнологический романс	29
Стихи	30
Известное немногим	32
Гоголь	34
Принцип Гаузе	35
Знаки	36
Мир странен	38

На берегах Невы и Тибра	39
На остановку света в Гарварде	40
Зонг	41
11-й тезис	42
Орфей	43
Остров Тассос	47
Давно	48
Глоток	50
Откуда?	52
Ноты	53
Разлом	54
В архиве	55
Эйфелева башня	59
В компьютерном магазине	60
Итоги	62
Баллада о машине времени	63
Картинки	66
Иванушка	67
Источник	69
След	70
Марш побед	71
Знание	72

Анатомия растений	73
Эволюция растений	74
Волна	75
1906	77
Отблеск	78
История	79
Слои	81
Подстрочник	82
Глаголы	83
Встреча	84
Теория	86
Звуки	89
Теперь	90
Будущее	91
Потом	93
Певцу	94
Алхимик	95
Такое кино	97
Сборы в дорогу	98
Открытие доктора Кулакова	100
Натурфилософ	102
Статья	103

Колыбельная	105
Авиньон	106
Вот, значит, как	107
Кассини	108
Карст	109
Сцена	113
Дневник Берга	114
Натюрморт	121
Ум	122
Признание	123
Язык природы	125
Залив	127
Наследство	128
В былые времена	129
Миф	131
Пора	133
Восемь минут	134
Rustica	136
Дорога	138
Сновидение	139
Берег	140
Запись в дневнике	141
Натуралист	142

ПОКА ЕСТЬ ВРЕМЯ

Пока есть время – пой, пиши
 бесстрашно и беспрекословно,
 следи прилежно и готовно
 за путешествием души.
 Веков разрушенные соты
 ещё хранят волшебный мёд;
 ещё хрустелен небосвод,
 ещё известны наши ноты,
 но за словесным частоколом
 мир предстаёт случайным сколом
 чужих, осадочных пород.
 Суть времени обнажена;
 достигнув нового предела,
 мы на доске кусочком мела
 выводим формул письма.
 И снова смысла ищем мы
 под вечный ритм зимы и лета,
 за спектром пушкинского света,
 за гранью гоголевской тьмы.

*5–6 июня 2004,
 Хантингтон,
 Западная Виргиния*

ФАЙЛЫ

Ю. Г.

Среди действительности бега
Поймать очарованье мига
Нам не хватает файлов “мега” –
Переключаемся на “гига”.

Даны нам знание и вера,
Но новый век проходит мимо,
Мы перейдём на файлы “тера” –
Но всё ли будет уловимо?

*18 марта 2003,
Фредерик, Мэриленд*

КАРТА

Географические карты,
иконы юности моей!
Мыс Араго и Гумбольдт-Бэй,
бензоколонки и К-Марты,
мосты, озёра, водопады;
хребтов унылые громады
стоят заснежены и дики –
девятитысячные пики
вершин Мак-Лафлин, Тильзен, Скотт.
Здесь время медленно течёт.

Я возвращаю, что когда-то,
в иной глуши, в иной стране
мне спел лонгфеллов Гайавата
на чуткой бунинской струне.
Те образы во мне отлиты:
я их увидел и узнал.
А в небе ловят спутники
наш человеческий сигнал,

что каждый день выходит в свет.
Чем он вернётся к нам? Зарядом
тоталитарных ли ракет?
Грядущим ядерным ли адом?
Исламской ли призывной битвой
иль муэдзиновой молитвой?
Того не ведаёт поэт.

*25 января 2004,
Хантингтон*

ТОГДА

1.

Я по призванию — энтомолог;
я в детстве в Ялтах и Анапах
ловил цикад или сверчков,
а после в городе родном
вдыхал шкафов музейных запахов,
да пыль библиотечных полоков,
да в микроскоп из-под очков
смотрел часами день за днём,
щётинки мелкие считая —
активность вроде бы пустая.
Была привычна и проста нам
жизнь на ходу грузовика,
среди степи, у костерка —
там, на границе с Казахстаном,
у занесённых солью рек,
там, под гитару наших практиков,
под звёздным небом всех галактик
кончался наш двадцатый век.

Я там облазил каждый куст,
валяясь в глине и в песке,
ища объект свой восьминогий.
Науку мудрых экологий
в новосибирском Городке
читал Стебаев-златоуст,
старик восторженный, но строгий.

О, как он нам преподавал
и солнца жар, и моря вал,
и вдохновенные приливы,
и почвы страстную среду,
и жизни в сбивчивом бреду
формотворящие мотивы —
радар кита и взгляд орла,
да цепня цепкие сегменты,
да шар земной, где континенты
на слое магмы, как стекла
расплавившегося, плывут...
Так больше не преподают.

2.

Мы многое в науке можем:
мы ДНК свою стреножим,
как укрощённого коня,
двойной цепочкою звеня;
в её наследственный поток
умело вставим нож энзимный —
так режет посетитель зимний
фламандским лезвием каток...

Всё так, и всё же, не смешно ли
в такой безрадостной глуши
чинить свои карандаши
да обсуждать свободу воли?
Взгляни на карту наших дней:
всё расплывается на ней.
Какие помыслы и темы,
симфонии и теоремы
не зародясь, сгорят дотла
в жару плавильного котла?

Так что же – вправду мы открыли
язык вещей, единый код
для всех явлений мира – или
на грани выдумки и были
нас водит некий кукловод?
И не приглашены на пир мы,
а лишь скользим по краю ширмы,
не понимая, что за ней?

Но – будем жить, и всё, что вечно,
любить бесстрашно и беспечно,
пока ещё хватает дней.

*20 декабря 2003 – 11 марта 2004,
Хантингтон – Фредерик*

ПОСТДОКУ

От Сан-Паулу до Ростока,
от Упсалы до Сан-Хозе –
следы российского постдока
на непроторенной стезе.

Растит он раковые клетки
да белых пестует мышат,
но грантов жалкие объедки
ему продолжить не спешат.

Мы денег не гребём лопатой,
но есть награда и для нас:
есть в сутках тот незримый час –
двадцать четвёртый, двадцать пятый –

когда законы мастерства,
неоспоримы и едины,
в крови взволнуют эндорфины
и ясной станет голова.

И станет виден генов ход,
тик-так молекул в их оковах,
существование тел белковых
и цитоплазм круговорот.

*26 апреля 2004,
Хантингтон*

ДРУГУ

Мысль наивную, простую
мы несём с собою в мир
(так шлифует ювелир
безделушку золотую):

Не на краткость жизни срока,
друг мой, жалуйся.

Ведь нам
плыть по северным волнам
в час, когда взойдёт с востока
солнце новых дней.

При нас
распадутся строки нитей,
прекратится ход событий
в должный час.

2004,
Хантингтон

ВСЁ

Всё – безмерно, всё – бесстрастно,
над любой тканью властно.
Отрицание всего
не меняет ничего.

Всё – предсказано, всё – точно,
беспардонно и бессрочно;
забываясь детским сном,
все мы грезим обо всём.

От всего бежим уныло,
что предложит белый свет:
всё, что будет; всё, что было;
всё, что да – и всё, что нет.

Так прими ж мой отблеск слабый,
всё, волшебный талисман,
как молитву пред Каабой
преклонённых мусульман.

2004,
Хантингтон

РЕКА ПАМЯТИ

1.

Когда-нибудь, назло прогрессу,
ты сочинишь большую пьесу,
или роман, или рассказ,
где всё поведаешь про нас:
про наши мысли и сонеты,
про то, как пробирались мы
среди немислимо́й зимы
по островам и плёсам Леты
к её истокам, к родникам,
к сухим, замёрзшим тростникам;
про то, как импульс наших встреч
смогли мы вспомнить и сбечь

2.

... и ДНК, и наша речь —
они всего лишь частный случай
той силы ясной и могучей,
которая за годом год
с небесных ледников течёт.

Мне видится издалека
не древний берег мифов — нет;
мой образ — Памяти река,
а не забвения. Не где-то
в подземном мире, а сейчас,
всегда и вечно, через нас
течёт невидимая Лета.

Без выбора и без суда
через материю и время
проходит вечная Вода,
взаимодействуя со всеми
частицами, но никогда
не изменяя их дороги;
она повсюду и везде.
В потоке том — в его Воде —
запечатлелись все итоги:
материальный мир веков,
все наши мысли без остатка
и строки всех черновиков,
всех войн безумие и стон,
и все поступки всех времён
не обошлись без отпечатка:
они оставили следы
в потоке истинной Воды.

3.

Ландшафт её просторных вод,
узор бесчисленных извивов
из неожиданных архивов
подробной картою встаёт;
и память слов, и память генов
рождают дружный круг дольменов,
нацеленных на небосвод.

Да, нас учили по-другому —
что Стикса чёрная волна
бьёт в борт Харонова челна,
и заперта дорога к дому,
и жизнь прошла и не нужна.
Но если создан мир не так,
чтоб всё беспамятство пожрало
и заволок забвенья мрак —
то мы способны от сигнала
отфильтровать случайный шум,
увидеть роспись прошлых дум
в волнах всемирного Потока,
куда не проникает око,
куда не долетает свет,
где от всего оставлен след.

4.

Как за движением луны
спешат покорные приливы,
природы гордые архивы
теперь для нас обнажены.
Их смысл теперь понятен мне,
как камни на открытом дне.

Вращает время ход явлений,
как театральной сцены круг,
устроив смену поколений,
чтобы не всё случилось вдруг,
и за пределы каталога
иная, новая дорога
ведёт нас в глубь полей — туда,
где с квантом сходится звезда
в размере пушкинского слога.

*3 марта — 30 апреля 2004,
Хантингтон — Фредерик — Атланта*

ТЕАТР

Когда, очерчен кругом света,
актёр, по прихоти поэта,
сжигает слов и сердца дань
на дымном жертвеннике храма —
его комедия и драма
сплетают потайную ткань,
и от столетия к столетью
прокинув золотую нить,
стремятся душу уловить
своей невидимую сетью.
И между сценою и залом
течёт живая пустота,
как воздух горного хребта
над долгожданным перевалом.

*30 апреля 2004,
Атланта*

ЧТО, ЕСЛИ?

Что, если не приглашены на пир мы,
как современники ликующих богов,
а только лишь скользим по краю ширмы
мгновенной пеною у вечных берегов?

Что, если нас и не включали в планы,
и в смете нам не отвели строки,
а наши книги, подвиги и страны
забудутся под жидкие хлопки?

Что, если постижимая умом,
родная и привычная природа
закончится уже за тем холмом,
на расстоянии дневного перехода?

*2 мая 2004,
Атланта – Хантингтон*

ЕЩЁ НЕИЗВЕСТНО

Ещё неизвестно, чей текст сохранится,
чей маркер замажет застывшие лица,
кто будет спрессован в наносных пластах,
как старый гербарий в газетных листах,
чей след избежит тектонических сбросов
заветным ответом забытых вопросов,
чи строки наследуют суть языка,
как блёстки слюды в водопадах песка,
какие шедевры, ушедшие в Лету,
осадочный камень поведает свету,
и что за геолог на высохшем дне
найдёт уцелевшую весть обо мне.

*2 мая 2004,
Атланта – Хантингтон*

ДВЕ ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ “РЕВИЗОР”

1. Песня Городничего

Из Петербурга с нарочным приходит нам письмо,
покрыв нас несмываемым позором –
пятно невыводимое, горящее клеймо,
проставленное адским ревизором.

Откуда взялся Хлестаков? Пуст, как прореха
и портков,
как тополевыи пух, белёс и легковесен,
провинциальных простаков освободил он от оков,
он фантастических напел нам чудных песен.
Откуда взялся Хлестаков? Влетел, взвихрил
и был таков –
как можно втюриться в такого охламона?
Но простофильству нет конца – есть простота
на мудреца,
хотя бы и на самого на Соломона.

ПАТРИОТИЧЕСКО- АСТРОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Наблюдая знаки зодиаков
над волнами бурными времён,
Святослав Владимирович Раков
дал России веру и закон.

Воплощая веру миллионов,
не давая нации упасть,
Аристарх Петрович Скорпионов
над страной свою раскинул власть.

И страна запела песни снова,
и страна голосовала “за”,
у Максима Ильича Тельцова
по щеке катилась слеза.

Учат правду в школах наши дети,
нет у власти воров и дельцов —
хорошо, что есть на белом свете
Скорпионов, Раков и Тельцов!

*15 июня 2004,
Хантингтон*

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАНС

Уэллсам с Хакслями на смену
Кошмары новые спешат:
Модифицированы гены,
Непредсказуем результат.

Грядёт вселенская зараза,
Бурлит забвения река,
И ДНК-полимераза
Забыла нашу ДНК.

Ушёл тот мир привычный, мирный,
Распался дней круговорот,
И связи фосфодиэфирной
Нарушен ход, нарушен код.

*7 июля 2004,
Хантингтон*

СТИХИ

Наш чудный ямб четырёхстопный –
непревзойдённый психотропный
агент. Чиста его строка,
и элегантна, и легка,
и ритм его на мозг не давит:
он разума ладью правит,
запоминая каждый знак.

Так пишутся стихи: во мрак
душевной лени машинальный,
случайный блик или спектральный
забрешший луч падёт уныло;
тогда душа звучит, как море,
перебирая гальку слов.
Кристаллизующая сила
даёт толчок – растёт – и вскоре
держу в горсти остатки снов.

Нам так естественно, так чудно,
необычайно и нетрудно
писать на этом языке
и строить замки на песке;
четырёхстопною строкою
стремиться к воле и покою;
существования труды
листья; земли, огня, воды
и воздуха настроив струны,
пересекать пространства дюны,
и где-нибудь в местечке дачном
мечтать о языке прозрачном.

*21 декабря 2003 – 10 августа 2004,
Хантингтон*

ИЗВЕСТНОЕ НЕМНОГИМ

1.

Нам неизвестно, что за коды
лежат в заглавнике природы
не для гормонов и белков,
а для неведомого ныне
песка в космической пустыне
и звуков звёздных языков.
Быть может, там воплощены
России ледяные сны,
где дилижансом Хлестакова
ушла надежда сатаны
на быстрый проигрыш Иова.

2.

Всё спит или зевает зал:
страшна их детская беспечность,
как будто Блок не описал
бездонного провала в вечность;
как будто жизнь — всего лишь сон
волшебной летнею порою
для Оберонов и Титаний;
как будто ледяной горою

“Титаник” не был сокрушён;
как будто впрямь не отделён
лишь тонкою земной корою
от наших мифов и мечтаний
ад переплавленных времён.

3.

Быть может, это и не ново,
но вот теория моя:
в ней Поле, Вещество и Слово —
три компонента бытия.
В томах немислимых архивов
таится память наших лет,
хранится запись всех приливов,
дней и минут. Забвенья нет.
Там — нашей жизни ход вседневный,
путь звёзд и летом и зимой,
и резонанс тоски душевной,
и чудный сад, и вихорь гневный,
и ритм поэзии самой.

26 марта — 10 августа 2004,
Хантингтон

ГОГОЛЬ

Пусть публикою театральной
не движет страх трансцендентальный,
тот вечный, гоголевский страх,
но каждое второе слово
почтмейстера и Хлестакова –
как отзвук бытия иного,
как мёртвый свет в чужих мирах.

Блажен, кто курс культуры краткой
закончил школьною тетрадкой,
не перечитывая вновь
тех жутких слов о Хлестакове,
которые створожат кровь
несовместимой группой крови.

Да был ли, право, Хлестаков?
На мейерхольдовских площадках
застыло время в отпечатках
квадратных гаринских очков.
Со сцены в онемевший зал
туман истории сползал.

Россия. Гоголь. Пустота.
Открылась бездна, да не та.

*10 августа 2004,
Хантингтон*

ПРИНЦИП ГАУЗЕ

Нам принцип Гаузе гласит
и постоянно объясняет,
как паразита паразит
из должной ниши вытесняет.

Зональны контуры земель:
мы их на глобусе покажем,
пейзаж сменяется пейзажем,
и параллелью параллель.

Две параллельных колеи
не встретятся, не разойдутся,
катится яблочко по блюду,
бегут по тропке муравьи.

Но где-то в середине сна,
похоже, вырвана страница:
там жертва к хищнику стремится,
и наша мудрость им смешна.

*2004,
Хантингтон*

ЗНАКИ

1.

Знаем формулы и знаки,
иероглифы и руны.
Помним Рим по фильму “Даки”,
да Олимп по “Мифам” Куна.

Как на камне из Розетты
на столе Шамполиона,
видим строгие сюжеты
электрона ли, иона.

Овладевшие азами
кислорода и азота,
смотрим жадными глазами
в ниши дзена, в щели дзота.

2.

От Венеции до Вены
мудро правят наши гены,
их строительные блоки
пьют живительные соки.

Что им герцоги и дожи,
императорские ложи,
наши маски да кресты,
карнавальные шесты?

Что там, в створках их молекул,
в цвете выцветших чернил —
ни пророк не докумекал,
ни Господь не сохранил.

2004,
Хантингтон

МИР СТРАНЕН

Мир странен и сиюминутен,
И у него свои порядки:
У трона вырастет Распутин,
У Менделя – горох на грядке.

Споткнётся конь перед парадом,
Трубач не те сыграет ноты.
Те, кто случайно будут рядом,
Заполнят щели и длинноты.

Из-за высокого забора
Слежу из ниши неприметной
За направлением отбора
И извергающейся Этной.

Багряный цвет леса одели
В своём великолепии диком,
А над фанерою модели
Сидят, мудрят Уотсон с Криком.

2003,

Хантингтон

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ И ТИБРА

У нас пока что детский сад,
А у природы – тьма законов,
Толпа Невтонов и Платонов
Их объясняет невпопад.

На берегах Невы и Тибра,
На перекрёстке наших дней
Глядят Аквариус и Либра
На сонмы гаснущих огней.

Там звёздный жар, там вечный дым,
Бесстрастный праздник новых химий.
Их грозный пыл необходим,
Но наша роль необходимей.

Наш строй ума, случайный ряд –
Смесь пустоты, огня и слова,
Мы понимаем вещи снова.
Мы видим, как они горят.

2003,

Хантингтон

НА ОСТАНОВКУ СВЕТА В ГАРВАРДЕ

Настанет день: замёрзнет Лета,
И мы по льду перебежим;
Мир перейдёт в иной режим,
И прекратится скорость света.
Пока же бьёт о борт челна
Реки забвения волна,
Нам не заказано учиться;
Но по реке идёт граница,
А впереди туман и мгла.
Элементарная частица
Летит послушно, как пчела.
Уже подвластно царство яви,
Её колонны и мечты;
Уже расчерчены листы —
Но топок ил на переправе,
И страшен образ пустоты.

2003,
Хантингтон

ЗОНГ

Пусть мы произошли от обезьяны,
Мы помним лимерики и коаны;
И если даже наше дело швах,
То с нами Шива или Мошиха.
Мы переставим следствие с причиной,
Зажжём вопрос над влажною пучиной,
И даже если рукопись сгорит,
Нас примет Рим и не обманет Крит.
По головам стук яблок переспелых,
Нам остаётся только бремя белых,
Зелёных, розовых и прочих колеров,
Не уценённых при создании миров.
Тогда увидим мы, как в первый раз, друг друга
Сквозь рваный занавес времён, частиц и сил,
Где в магнетических полях бушует вьюга,
И белый свет, как Арктика, застыл.
Там лица различны под коркой льда,
Под Брейгеля скользящими коньками,
Где мысль сочится тихо, как вода,
И слово тает на снегу, как пламя.

2003,
Хантингтон

11-й ТЕЗИС

Уже виктория близка.
Назло законам неоткрытым,
не гнётся пылкий Фейербах,
объявленный космополитом.
Европа ждет моё бабах
на благо новым замполитам.
Уважьте, дети, старика
на поле действия, пока
тиранов кровью не политом –
кувалдою по древним плитам!
Своим *verändern* неумытым
застрять у вечности в зубах.

12 марта 2005,
София, Болгария

ОРФЕЙ

1.
Есть много странного в науке
о нашей жизни: например,
звериных жил пустые звуки
зовутся музыкою сфер.
Веками прожитыми горды,
живых зверей тупые морды
рисуют люди на гербе.
Никто не помнит о себе.
От мифов древности могучей
остались только Страх и Случай,
но сквозь замёрзшее стекло
мы видим слово и число.

2.
Возникновение веков,
подземных толщ немые своды,
незримый ход материков
содержат знание свободы,
не афишируя свои
непостижимые слои.

В них время замкнуто. Оно
пространству не подчинено,
наивно и неприхотливо;
имея больше степеней
свободы, чувствуя сильнее
её отливы и приливы,
порою время шутит с ней.

3.

Дымясь от Пароса до Спарты,
мои разрозненные карты
рисуют странные черты
и огнедышащие горы,
ущелий дивные узоры
и довоенные хребты
Балкан иных, безлюдных, гневных;
среди событий повседневных
их отражённые лучи
дают к событиям ключи
следами древнего огня
на склоне нынешнего дня.

4.

Серебряные валуны
времён эпохи ледниковой —
беспечности многовековой
непотревоженные сны,
как монумент с ушедшей славой.
Как их спокойство чуждо мне
среди реальности кровавой —
как песнь во тьме, как сон во сне,
как царский меч на топком дне,
давно утраченный и ржавый.
И ветер, гнилостный и злой,
несёт, поднявшись, пыли слой.

5.

И сохнут белые лагуны,
и Солнце, скрытое в пыли
от обитателей Земли,
садится в огненные дюны.
Сквозь духоту немые струны
не отпечатают следа.
Стою на отмели щебнистой.
Темнеет пыльная завеса,
и еле видная звезда
едва лучом достанет леса
и растворится навсегда,
не отразясь в воде нечистой.

6.

Так нашей осени на смену
придёт смертельная зима,
воздвигнув ледяную стену,
сжигая действие ума.
Нам с нею не договориться.
Покрыв долины пеленою,
она расправится со мною.
И памяти ночная птица,
и песен солнечная суть
уйдут — но, может быть, весною
отыщутся когда-нибудь,
и наше слово сохранится,
как несгоревшая страница
давно забытого письма.

*6 февраля – 13 апреля 2005,
София*

ОСТРОВ ТАССОС

Сбросив ношу свою, налегке
полежать на эгейском песке,
там, где белого мрамора сколы
драгоценным сияют зерном,
где философы греческой школы
держат хрупкую мысль на весу.

От свинцовых веков немоты
отдышаться в сосновом лесу,
за поэтов ушедших, любимых,
отчитаться на этом листке
парой строчек едва различимых
на наречии нашем одном.

Нету средства из нашего мрака
снова в детство вернуться, однако
через мрамор пробились цветы
зверобоя, цикория, мака.

Исчерпав рудники золотые,
остров Тассос отходит ко сну.
Дремлет мир, и на числа простые
берега разбивают волну.

*13–14 мая 2005,
Тассос, Греция*

ДАВНО

Давно уже привыкли
молчать о том, что мы
из пустоты возникли
среди крошечной тьмы;
что нам открыли очи
и, слово сохраняя,
создали дни и ночи
из млечного огня.

Давно уже забыли
первичный свой наказ,
когда из звёздной пыли
слепили наш каркас,
и много лет из вечной
стихии естества
слагались в ритм беспечный
волшебные слова.

В дороге однократной
не встать и не сойти,
не взять билет обратный,
не изменить пути;
что было нам открыто,
что было в нас дано —
ушло и позабыто
надёжно и давно.

*23–24 мая 2005,
София*

ГЛОТОК

Памяти Игоря Северянина

Недавно ещё трепетала струна,
и старому барду внимала страна,
а нынче от грёзы леса и моря
очнулись под властью иного царя.

Всё выиграл он, что поставил на кон,
и в замке у моря издал свой закон
о том, что земля, и огонь, и вода,
и воздух закрыты теперь навсегда.

Но к воздуху доступ имели пажы,
и юный один для своей госпожи
в фиале прозрачном воздушный объём
похитил и спрятал на сердце своём.

И вертится шар — тот, что был голубым,
и страх несравним со столетьем любим,
ведь воздух с водою навеки ушли,
и больше не стало огня и земли.

Но где-то в подвале, светясь и дрожа,
в стеклянном сосуде, в камерке пажы,
ушедших молекул старинные сны
хранятся в развалинах нищей страны.

Быть может, иссякнет кровавый поток,
и древнего воздуха чистый глоток
к потомкам придёт через тысячу лет,
как старого барды прощальный куплет.

*24 мая 2005,
София*

ОТКУДА?

Откуда мы узнали имена
камней и птиц? Каким секретным взглядом
их разглядели? Кем утверждена
цена всего, что обитает рядом,
но чуждо нам, как облаку – пчела,
как гром – цветку, как времени –
пространство?

Откуда мы узнали их дела?
Как мы определили их места,
и в новые вписали паспорта
вещей и слов первичное гражданство?

*31 мая – 1 июня 2005,
Кулата, Болгария –
Метаморфози, Греция*

НОТЫ

Мир сделан из чего-то,
что нам не объяснят
ни в телепередаче,
ни в университете;
но так или иначе,
для всех вещей на свете
расставленные ноты
читаются подряд.
Их пропускать обидно:
мы помним каждый знак.
Но всё же, очевидно,
устроен мир не так;
иначе бы мы жили,
всё зная наперёд,
а значит, мы забыли
какие-то из нот.

*2 июня 2005,
Метаморфози, Греция*

РАЗЛОМ

Есть разница между словами:
одни зелены и просты,
другие встают островами,
а третьи наводят мосты.

И среди мерцающей влаги
в прозрачном ночном далеке
сдвигаются архипелаги,
и золото ищут в песке.

И снова, дремоту наруша,
взывают к тебе о былом
эгейская древняя суша
и юный балканский разлом.

Но, помня бесславия годы
и все языки, что ушли,
слова, не желая свободы,
ложатся в структуру земли.

И времени чуждые силы
вплетают в косицы свои
и белого мрамора жилы,
и мягкого сланца слои.

*2 июня 2005,
Метаморфози – Фессалоники,
Греция*

В АРХИВЕ

Бесы: Витя и Митя.

М и т я.

Подай мне сверху эту стопку.

В и т я (*подаёт*).

Я б эту стопку прямо в топку;

пускай потом не говорят,

что рукописи не горят.

Свидетельств есть немало ныне,

что вся культура – дождь в пустыне:
пройдет, намочит верхний слой...

М и т я.

Молчи.

В и т я.

А ты сегодня злой:
тебе рога намылил босс?

М и т я.

Не угадал.

В и т я.

Я жду ответа.

М и т я.

Я не расслышал твой вопрос.

В и т я.

Ах, самолюбие задето!

М и т я.

Неужто низшая из рас
способна облапошить нас?

В и т я.

Пять тысяч лет назад, сеньор,
вели мы тот же разговор,
и в результате – Вавилон,
где мы поставили заслон
их вечной жажде муравьиной
карабкаться куда-то ввысь;
они землёю занялись.

М и т я.

Я не уверен, что единый
язык пошёл бы им во зло...

В и т я.

Возможно, им не повезло,
но кремний?!..

М и т я.

Верно.

В и т я.

Жадным ртом
добрались до запретных знаний:
сперва рентген, потом германий,
потом компьютеры, потом...

ну ты же видел: весь набор.
И где ж естественный отбор?
Где Дарвин твой? Они со скуки,
умыв запачканные руки,
готовы сжечь и нефть и газ,
а спросят-то с кого же?

М и т я.

С нас.

Ну, ладно. В печку их науки.

В и т я.

И языки.

М и т я.

И языки?!

В и т я.

Давай, развязывай шнурки
на папках и не трать мгновений.

М и т я.

Нам сотни лет отведены.

В и т я.

Поверь: они заражены,
и через пару поколений
ты не узнаешь этих мест;
сжигаем всё в один присест.

М и т я.

Им не достанется фиал
с огнём прозренья. Слишком рано...

В и т я.

А жалко: был потенциал.
Где у тебя печать спецхрана?

(*ставят подписи и печать на акте
о сожжении*).

*2 июня 2005,
Фессалоники – Афины*

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

Скрепляя землю с небосводом
прочней, чем древние столпы,
она сидит перед народом
для развлечения толпы,
бесцеремонно и бесстрастно.

Игрушкой, выпавшей некстати
из рук небесного дитяти,
в пространство крепко вплетена,
хранит иллюзию она
о том, что время нам подвластно.

*16 июня 2005,
Лондон*

В КОМПЬЮТЕРНОМ МАГАЗИНЕ

(РОМАНС)

Купите память, господа:
Она дешевле с каждым днём,
А скоро будет за бесплатно.
Чужих существ ненужным сном
Она вас унесёт туда,
Откуда не придти обратно.
Без памяти дела плохи:
Забудем прошлые грехи,
И страх судьбы, и мыслей пену;
Забвенье воздвигает стену,
А память в ней пробьёт окно.
Купите память — или две.
И что осядет в голове,
Забьть уже не суждено.

Во всеобъемлющую сеть
Сплетя компьютерные нити,
Забвенью дайте умереть,
А память всё-таки купите.

Напоминай неоднократно
О свойстве памяти одном:
Она дешевле с каждым днём,
А скоро будет за бесплатно.

2005,
Хантингтон

ИТОГИ

Будет так: настанут годы,
и привычные черты
узнаваемой природы
рухнут в пропасть пустоты.

И пускай ещё не скоро,
но уйдут на склоне дня
удаль мысли, ткань узора
и безумие огня.

Но итоги наших знаний,
позабыв старинный свет,
будут ждать иных созданий
через бездну тёмных лет.

Пусть же светят им без света,
согревают без тепла
всплеск мелодии, что спета,
радость жизни, что была.

*25–27 июля 2005,
Хантингтон*

БАЛЛАДА О МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Вот странник создал аппарат золотой
С алмазной приборной доскою.
Окутан грядущих веков пустотой,
Он мчится столетий рекою.

И волны ему замечают: “Поверь,
Напрасно ты к нам отворил эту дверь:
В пучине, где пенятся кванты,
Не к месту твои бриллианты!”

И всадник нащупал свой атомный бич,
Пришпорил коня золотого:
“Не может быть так, чтобы мне не постичь
Основы устройства простого!

Я викторианский притом джентльмен,
И сложности вашего мира взамен,
Что б вы там себе ни гудели,
Создам из фанеры модели.

Пусть наши теории в целом просты,
Мы множество фактов набрали:
Мы в сердце живого открыли мосты
Двоякоподобной спирали.

Мы знаем, как солнце рождает цветок
В конфликте меж светом и тенью,
И Запад уже побеждает Восток
С его безобразною ленью”.

И волны ему отвечают: “Дитя,
Машине хрустальные ручки крутя,
Ты время взмутил и пространство.
Нелепо твоё фабианство.

Слепого столетья посланник немой,
Ты падаешь в шахту колодца,
И огненный след за твоею кормой
За считанный миг разойдётся.

Но так уж и быть: в аппарате твоём
Мы смелость и наглость людей узнаём.
Так вот тебе компас и карта:
Вернёшься в мгновение старта.

И братьям своим отнеси эту весть –
Что мир за пределом действительно есть,
Но он не для вас (не в обиду
Будь сказано вашему виду).”

И странник вернулся, и жил среди нас,
Довольно успешно продал свой рассказ,
Добился в Стокгольме медали,
А больше его не видали.

*27 июля 2005,
Хантингтон*

КАРТИНКИ

Читаю в букваре: “из звёздной грязи в князи”,
“у углерода есть четыре связи”,
“пчела летит кормить пчелят”,
“мир тесен”, “драться не велят”.

А кто-то вроде замполита
с бородкою под Айболита
бормочет: “Быстро пропиши
микстуру для спасения души.”

Но ангел мой в халате белом,
как Фауст в оперном театре опустелом
и предназначенном на слом,
всё ходит он с увеличительным стеклом.

*10 августа 2005,
Хантингтон*

ИВАНУШКА

“Не пей из козьего копытца, —
грозится умная сестрица, —
не то обрушится беда”,
Но далеко до родника.

А на краю солончака
копится долгими годами
в грязи, истоптанной следами,
мутаций мутная вода.

Там жизнь свои бросает споры
в микроскопические поры,
в пустые полости песка,
где меркнет свет, и смерть близка.

Вот путь Алёнкиного братца:
рассыпаться и вновь собраться;
в глубь бытия, не в глупых коз
направлен мой метемпсихоз.

Сквозь тел горящий лепрозорий
пройдя каналами латрин,
я царь червей и инфузорий,
я бог фотонов и нейтрин!

Пусть я потомок обезьяны,
я вижу дали осиянны,
летя по линии луча;
я дружен с силою земною,
и вся природа, как парча,
расстелится передо мною!

Мне виден вызов жизни новой,
веществ просторные ряды,
и жёсткий луч звезды суровой,
и шок отравленной среды.

И я растаю и остыну,
как песнь в ночи, как уголь костра –
и ты тогда войди в картину,
и сядь на берегу, сестра.

И снег сойдёт, и в запах прели
легенда новая моя
вольётся ручейком свирели
в метаболизме бытия.

*24 сентября 2005,
Хантингтон*

ИСТОЧНИК

Нас не останется – однако,
Нас, ископаемых, найдёт
Сквозь миллионолетний лёд
Потомок в пойме Потомака.

Употребив алмазный бур,
Он вытянет тугие керны
Из радиоактивной скверны
Разрозненных культур-мультиур.

Как мы сжигаем уголь древний,
Так новый тот космополит
Наш слой событий ежедневный
В печи космической спалит.

Ведь всё, что было до потопа,
Все наши мысли и дела
Для них – источник изотопа,
Чтоб их история цвела.

*28 сентября 2005,
Хантингтон*

СЛЕД

Слепи себе из пластилина
очередного властелина
в зелёной тоге, без лица.

Дай в лапки липкие монету,
как потемневшую планету,
где жить придётся до конца
под властью этого слепца.

Потом сомни его в комок,
чтоб больше зла творить не мог,
чтоб дать урок другим тиранам;
забрось в коробку под диваном.

Потом прошелестят века,
и археологи в пустыне
найдут монету в середине
окаменевшего комка.

И с осторожностью великой
в музейной зале под стеклом
уложат след эпохи дикой,
игравшей в поддавки со злом.

*30 октября 2005,
Хантингтон*

МАРШ ПОБЕД

Мы выходим на рассвете,
Из Сахары дует ветер...
(народное)

Постояльцы во Вселенной,
держим курс рукой надменной
в мире следствий и причин.

Подчинились нашей воле
и материя, и поле,
и значенья постоянных величин.

Не дейтерий и не тритий
направляют ход событий;
ставим ногу в стремена.

Нас, распавшихся на расы
над волнами Панталассы,
не пугает глубина.

Нам велит пространство-время
позабыть и род, и племя;
солнцу гаснущему вслед
за светила нестройным хором
прозвенит над водосбором
марш побед.

*4–5 ноября 2005,
Хантингтон*

ЗНАНИЕ

Как грустно знать, что мы лишь род машин,
что нас ведут неведомо куда
не ангелы с сияющих вершин,
а мышцы ремни и нервов провода,
что наша не начертана тропа,
а всё, что нам досталось на земле —
лишь клеток беспокойная толпа
да мозга неустанное реле.

*2005,
Хантингтон*

АНАТОМИЯ РАСТЕНИЙ

Ещё никто не брал в поэмы
Всей анатомии анналы,
Сосуды нежные флоэмы,
Ксилемы мертвые каналы.
Тома и атласы листая,
Мы убеждаемся, что снова
Листа и корня жизнь простая
Предупреждает наше слово.
И гифы тонкой микоризы,
Как мифологии живой,
Таят волшебные сюрпризы
Вблизи системы корневой.
И их наследственные коды
В сплетеньи клеток и клетчаток
На философию природы
Накладывают отпечаток.

*30 ноября — 1 декабря 2005,
Хантингтон*

ЭВОЛЮЦИЯ РАСТЕНИЙ

Наш век уйдёт в подвалы сна,
Придёт пора растений новых –
Голосемянных и цветковых,
Что хитро прячут семена.

А мы под времени плащом
Иные партии разучим –
Кто в пойме вырастет хвощом,
Кто станет камнем горючим.

Так нам дано на краткий миг
Согреть грядущего больного,
Пока он в тайны не проник
Существования иного.

Сочится времени струя,
Как строчки довоенной прозы.
Плывут чернила бытия
Среди волокон целлюлозы.

*30 декабря 2005,
Хантингтон*

ВОЛНА

Как знает точка, где она
на плоскости нанесена?
Послушны мысли геометра
и строчкам древнего труда,
тростник качается от ветра,
рябит остывшая вода.
Вообрази: из ничего
создать иное естество,
совсем другие имена,
и не из атомов и клеток,
а из музейных этикеток:
день, год, провинция, страна,
и кто собрал, в тени кленовой
каких исчезнувших угодий,
свой алфавит для жизни новой
приспособляя, как Мефодий.
А главное – из пустоты,
ошеломляющей и страшной,
поднять ушедшие черты
своей пометкой карандашной.

Так отступает боль тупая
и, прав не переуступая,
игрою быстрой и простой
моя волна на берег скальный,
далёкий и провинциальный,
ложится с нужной частотой.

*9 февраля 2006,
Хантингтон*

1906

Ни звука над застывшею державой.
Забывтый год. А ведь ещё не точка,
но точка с запятой; дана отсрочка:
одиннадцать свободных лет. Но тщетно:
уже не удержать повозки ржавой.
Взрывается клокочущая Этна.

Вот так и мы, столетие спустя,
не дав себе труда в наследстве вашем
достойно разобраться, резво пляшем
на корке льда над огненной лавой,
как умственно отсталое дитя.

*12 февраля 2006,
Хантингтон*

ОТБЛЕСК

Полевой палеонтолог,
различи на склонах лет
оттиск, отзвук, отблеск, сколок,
список, снимок, слепок, след.

След и отблеск прежних дней,
сил земных и сил небесных,
след событий неизвестных
под поверхностью камней.

След растений и животных,
лет бездонных, лет бесчётных,
лабиринтов дней и мест
драгоценный палимпсест.

*27 февраля 2006,
Вашингтон*

ИСТОРИЯ

1.
Истлеют книг привычные листы,
обрушатся тиранов обелиски,
в прах обратятся лазерные диски,
но сохранятся тонкие пласты
спрессованного времени, пород
осадочных, остаточная вера
в нетленных идеалов торжество,
на дно миров осевший кислород,
вода и соль, и хлор, и гипс, и сера,
бактерии – и больше ничего.

2.
Не говори – история мертва:
во тьме веков, в глуби тысячелетий
не из глаголов, а из междометий
слагаются великие слова,

обрывки документов, стружки фраз,
отдельный звук, оброненное слово —
тот вечный шум, что отличает нас
от ровных колебаний неживого.

Среди обломков, вросших в седимент,
среди остатков едоков и снеди —
шум наших фраз и есть тот монумент,
что выше пирамид и крепче меди.

*31 марта 2006,
Хантингтон*

СЛОИ

Погибнув дома и в боях,
прослушав текст постановлений,
найди прибежище в слоях
среди корней и ответвлений,
среди немых, разъятых слов,
на микрофильм отснятых снов,
в той темноте, где каждый слой
перемежается золой.

Понять прошедшее не в силах,
читаем повесть лет унылых,
зашедших солнц, ущербных лун,
где выплавляется чугун,
где вал морской и гром небесный
давно забыты в жизни тесной,
где нам достанется украдкой
пометить истину свою
случайно выпавшей закладкой
в букинистическом раю.

*8 апреля 2006,
Хантингтон*

ПОДСТРОЧНИК

Что, если наш первоисточник
Нарочно создала природа,
Как ученический подстрочник
Несделанного перевода?

И сила чуждая, немая
Его спасла в пылу сражений,
И мы живём, не понимая
Его склонений и спряжений.

Мы ожидаем дня и часа
В бедламе шума и сигнала,
Но нет словарного запаса
На языке оригинала.

*22 апреля 2006,
Хантингтон*

ГЛАГОЛЫ

Как на звуках замешать
всё, чем хочется дышать?
Как собрать глаголы в срок,
как связать охапки строк?

Как, не путаясь, пройти
по заросшему пути?
Где искать следы огня,
опалившего меня?

Как в словах запечатлеть
то, что будет греть и тлеть?
Хоть на четверть, хоть на треть –
как суметь не умереть?

*5 июня 2006,
Хантингтон*

ВСТРЕЧА

Ветвятся трещины на ветхом потолке;
пространство с временем, два взрослых близнеца,
между собой на тайном языке,
двойняшкам свойственном,

болтают без конца.

Непосвящённому в их странствия, с трудом
возможно мне понять, зачем и как
они вернулись в этот старый дом,
где жили в детстве; где разлуки знак
Галактикою светится в окне.
Как разделили их, неясно мне.
Где выросли их просторы?
Кто дал пространству глубину и даль,
кто времени привил забвенье и печаль?
С кем в отрочестве разговоры
вели они, утратив двойника?
Как изменялись радость и тоска,
вращённые отдельно, в разных странах?

В чьих это было помыслах и планах?
Кто так решил? Кому достало власти
разъять неразделимое на части?

Век были врозь, а нынче снова
два близнеца сошлись в родном краю.
И я, незримый зритель, узнаю
из самых первых уст, а не из книг,
их жизнь, и тайны бытия земного
записываю в полевой дневник.

*26 июня 2006,
Хантингтон – Акрон, Огайо*

ТЕОРИЯ

1.

Рассматривая звёздный свет,
Астеев с Ганским, в двадцать пятом,
увидели, что каждый атом,
оставив за собою след,

скользит по жёлобу времён;
а чтоб чему-нибудь случиться,
должна существовать частица
пространства-времени — хронон.

Сквозь чёрных дыр иллюзионы
в наш мир невидимо-слепой
текут бессмертные хрононы
неисчислимою толпой.

И возникает в мире сонном,
переливаясь и двоясь,
в союзе атома с хрононом
причинно-следственная связь.

Весь ход событий и мгновений,
поля, и солнца, и лучи —
суть плод подобных столкновений
и к царству истины ключи.

Так, со времён Большого Взрыва,
вчера, сегодня и всегда
листы и описи архива
хранит межзвёздная среда.

2.

И вот уже в пятидесятых,
на даче Ганского, зимой,
был найден смысл частиц крылатых
и путь материи самой.

Внутри очерченного круга
он отыскал заветный клад,
и в честь расстрелянного друга
назвал свой краткий постулат.

Они дошли до самой кромки,
пройдя и вечность, и ГУЛАГ;
их папок ветхие тесёмки
едва удержат груз бумаг.

Но этот текст не для поэм
и не для нашего рассказа:
он крепче спирта и алмаза,
страшнее водородных схем.

В нём есть расчёты дня и часа,
когда критическая масса,
вздыхнув, потянет за собой
аламогордовский пробой,
и будет квантовою пеной
до основания сметена
освобождённую Вселенной
миров Берлинская Стена!

А мы — над новыми волнами
взойдём холодными огнями,
и жизнь, и память потеряв...

А может, Ганский был неправ?

*1–20 сентября 2006,
Хантингтон*

ЗВУКИ

Я пью за военные астры...
(*О. Мандельштам*)

Я пью за устойчивость звуков английских,
За русских фонем благородный настой,
За прочную память в полях Элизийских
В наш день, от начала творенья шестой.

Пусть позабыто начальное Слово,
Пусть ветер Вселенной терзает меня,
И мы не дождёмся рассвета седьмого,
Великого Отдохновения дня —

Но наши терцины и наши катрены,
На дно океана ушедшие руны
Возникнут однажды из квантовой пены
И радостно тронут забытые струны.

Расходу́й же щедро свой дар драгоценный,
Чтоб радугой лёг поперёк небосвода
Наш след в ослепительно новой Вселенной,
Меж звёзд и планет незнакомо́го рода!

*11–12 октября 2006,
Хантингтон*

ТЕПЕРЬ

Лёгкость жизни давно утрачена,
вещи знают свои места;
по периметру обозначена
убывающая пустота.

Мы живём в кайнозойской эре,
в наступлении ледника,
но в разреженной атмосфере
не сожжёте еретика.

Вам придется смириться с нами,
ибо кончились нефть и газ,
и навеки погасло пламя,
на котором сжигали нас.

Под портретом чужого предка,
в крестословице новых дней
не заполнена наша клетка —
пустота обитает в ней.

И уходят во тьму предметы —
искры, тающие на лету
у прибора мраморной Леты,
и сияющий меч кометы,
улетающей в пустоту.

*27 октября 2006,
Хантингтон*

БУДУЩЕЕ

Когда войною вид на вид
пойдёт в своей слепой гордыне,
кого в разверзшейся пучине
грядущий варвар пощадит?

Мне видятся иные сцены,
других актёров торжество:
в руинах Лондона и Вены
сгниёт столетий вещество.

Исчезнут призрачные мифы
и пресечётся ДНК,
когда коралловые рифы
покроет толща ледника.

Но вновь молекулы живые
на дне Атлантики сухом
раскинут нити кочевые
в том мире, зломном и лихом.

В иные дни, в иной тени
достигнув берега Итаки,
засветятся чужие знаки,
зажгутся новые огни.

И, может быть, на этот свет,
увидев новые истоки,
слетятся высохшие строки
тех языков, которых нет.

*22–23 ноября 2006,
Хантингтон*

ПОТОМ

Пройдут, как детство, тьма и свет,
наполненность минут и лет,
деление на “нет” и “да”,
существовавшее всегда.

Но ветвью вечного ствола
в том мире млечного стекла
мы сохранимся до конца,
качаясь за окном творца.

*25–26 ноября 2006,
Хантингтон*

ПЕВЦУ

Певец естественных наук,
в своём прозрении прекрасном
на сфер небесных гордый звук
ответь стихом забытогласным!

Пусть давит текст веков свинцовых –
их не забыть и не стряхнуть,
но старый путь, кремнистый путь
блестит под вспышками сверхновых.

*18 апреля 2007,
Хантингтон*

АЛХИМИК

Ртуть и сера, ртуть и сера,
Марс, Юпитер и Венера!
Вьются грозные пары,
рвутся звёздные миры.

Кубок яда, кубок яда –
цель, и средство, и награда:
нету почести иной
среди участи земной.

Выбьем клин посредством клина,
прекратим и грех, и боль;
всё на свете – только глина,
алюминиева соль.

Так и мне бы, так и мне бы
полагается давно
пить из кубка юной Гебы
драгоценное вино,

да хватать куски покруче
с Олимпийского стола,
а не тлеть в компостной куче,
как забытая зола.

Но из тлений, из явлений,
из возгонки грязных глин
в звоне новых поколений
встанет юный властелин.

Вспрянет новая порода,
удалая, как гранит;
тусклый облик углерода
яркий кремний заменит.

И тогда из прежней веры
я вдохну, ещё не стар,
смердный запах жёлтой серы,
белой ртути смертный пар.

*20 апреля 2007,
Хантингтон*

ТАКОЕ КИНО

Нас не звали и нам не сказали,
и итогов не подведено;
свет зажгли преждевременно в зале,
где крутилось немое кино.

И поистине невероятно,
как могли мы на этом пути
неизбежно и немногokrатно
зародиться и произойти.

В отложениях окаменелых
воздух, пламя, земля и вода
отражения лет чёрно-белых,
исказя, схоронят навсегда.

Но и после всеобщего краха
на эмульсии всех кинолент
обнаружится нашего праха
пятый, вымышленный элемент.

*28–29 апреля 2007,
Хантингтон*

СБОРЫ В ДОРОГУ

Зачем нам слушать музыку? Ведь в ней
все звуки уже есть. Нет, лучше и сильней,
в молчании предгрозовом унылом
приготовляясь к долгим зимам,
отдать свой слух невероятным силам,
неслышимым, невидимым, незримым.

Не жалко потерять разведанную нить,
забыть наивные ответы,
но дивные стихи и редкие рассветы
хотелось бы подольше сохранить.
И надо всё успеть, измыслить и пройти,
приготовляясь к долгому пути.

Пока обломки корабля не смыл отлив,
спасайте матерьял для будущего дома,
бочонок пороха и в ящиках архив,
а главное — бочонок рома.

Всё это может пригодиться,
когда на пьальных лет растения и лица
истлеют, незавершены,
в руинах дома, города, страны.

Не возвратится к разума оковам
мысль, бывшая реальности рабой
в том мире каменном, доледниковом.
Но то, что мы возьмём с собой,
приготовляясь к долгим снам,
наверно, пригодится нам.

*2 мая 2007,
Хантингтон*

ОТКРЫТИЕ ДОКТОРА КУЛАКОВА

Цитируя умело
Страницы букваря,
Мы видим только тело,
Души нигде не зря.
Мной жизнь в душе открыта,
Невидима она,
Но я от слова “вита”
Даю ей имена.
Мне видятся детали
Всё ярче, всё ясней,
В душе живут *витали*,
Витюли дремлют в ней.
Души разбужен улей,
И стали слышны вдруг
Гудение витюлей,
Виталей гулкий звук.
Вот так у нас в начале,
Нам создавая цель,
Витюли и витали
Качали колыбель.

Гремели наши гимны,
Сверкала наша сталь,
Но были анонимны
Витюля и виталь.

Германий и Италий
Злодейство и талант –
Особый штамм виталей,
Витюлевый мутант.

И жизнь племён и наций
Под свист ветров и пуль
Зависит от мутаций
Виталей и витюль.

Душе нужна опора,
И бодро смотрит вдаль
Родная микрофлора –
Витюля и виталь.

Так пей “Киндзмараули”,
Души не обмануть,
Витали и витюли
Тебе укажут путь!

13 мая 2007,
София

НАТУРФИЛОСОФ

Выписывая аккуратной вязью
умляутом поросшие слова,
пленён причинно-следственной связью
в таинственных глубинах вещества,
на непривычное число делений
подразделяя циферблат явлений,
с остывшим временем вступая в сделку
и подгоняя медленную стрелку,
определяя вес в сухом остатке
чудес и страха, торжества и бедствий,
не забывай, что мы играем в прятки
с причинами, не знающими следствий.

*7 июня 2007,
Вена*

СТАТЬЯ

1.

Статья из старого журнала
нам говорит, что с древних дней
душа миров существовала,
что мы давно привыкли к ней;
что от созвездий до песчинок
её остывшие следы
сопровождают поединок
наследственности и среды;
и что в эпохи катастроф
она виднее с каждым разом,
когда, покинув прежний кров,
как лава, каменеет разум.

2.

Бумага ломка и желта,
статья журнальная наивна,
но ткань веков легка и дивна,
и отступает пустота.

И в наши дни, когда все тайны
уже давно разрешены
и потрясения случайны,
и цели определены,
вам, предки, низкий наш поклон
за то, что в мизерные сроки
вместили океан времён
немыслимые ваши строки.
И смысл, и радость ваших дней
теперь до нас доходят прямо,
через дыхание камней
давно разобранного храма.
И вечно с нами говорит
душа, которая вобрала
и белый мрамор древних плит,
и строки старого журнала.

*30 июня 2007,
Перн-ле-Фонтен, Прованс*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В лесу настала темнота,
спокойна и влажна,
здесь тень и корня, и куста
уместна и нужна.

Свои законы и права
имеет каждая трава,
и нет у них прогресса
без одобренья леса.

И счастлив червь, в земле родной
свои ходы сверля,
перемещая перегной,
чтобы жила земля.

И счастлив зверь, в своём раю
копаясь в толще мха,
где я во тьме распознаю
движение стиха.

*7 августа 2007,
Хантингтон*

АВИНЬОН

Вот из вишнёвого ствола,
светла, как солнечная память,
сочится медленная камедь
и падает на край стола,
и засыхает постепенно;
мгновенья вязки и легки
в прозрачной сказке Венессена,
по эту сторону реки.

*16 сентября 2007,
Хантингтон*

ВОТ, ЗНАЧИТ, КАК

Постой, постой: так вот откуда
берётся время; вот куда
оно уходит без следа,
без объяснения дороги
в доступных знаках естества —
и мира зримого итоги
не умещаются в слова.

Чего же стоят наши годы,
единых дней открытый код,
блестящий многотомный свод
законов истинной природы?

В слепом континууме фраз,
в контексте пагубном и новом
грядущий варвар вспомнит нас
невесть откуда всплывшим словом.
Вздохнёт, поворошит золу,
вернётся к общему столу.

*5 октября 2007,
Хантингтон*

КАССИНИ¹

Открыв, как зимнее окно,
безумной кисти полотно,
запечатлей для нас, Кассини,
над злыми лунами полёт:
невыдуманные пустыни,
замёрзший ад, безводный лёд.

Я вижу всё, что видишь ты
в краю печальном и суровом;
я пробую приблизить словом
непредставимость пустоты;
принять, как принимаю свет,
свидетельства безмолвных лет.

Кто мерит время в том краю
без сроков, без воспоминаний?
Я бесконечность расстояний
не чувствую, не сознаю;
нет в языке такого слова.
Но твой, Кассини, долгий взгляд
сквозь пустоту и вечный холод
добавлен к памяти земного.

21–24 октября 2007,

Хантингтон

¹“Кассини” – космическая станция-зонд, с 1997 по 2007 г. совершившая беспримерные облёты Юпитера и Сатурна и их многочисленных спутников. (*Примеч. авт.*)

КАРСТ

А н д р е й.

Часам и дням потерян счёт давно
здесь, под землёю, где всегда темно,
но от тебя лучится чудный свет
в краю, где света не было и нет.

Скажи мне, собеседник странный,
нездешним светом осиянный,
галлюцинации ты плод,
или ты житель постоянный
вблизи подземных ледников и вод,
как те живые существа,
которых я искал, когда меня
застал обвал? С тех пор прошло два дня,
А может, три или четыре.

Л е в е н т а л ь.

Проблема в том, что в вашем мире
вы применяете слова
для повседневных описаний
суждений, мыслей и желаний,
но для других миров возможных
вам не дано понятий сложных.

А н д р е й.

О математике ли речь?

Л е в е н т а л ь.

Нет, в этом вы вполне умелы,
но вы хотите знать пределы,
не зная, как предостеречь
мир неизбежных разветвлений
от хаотических явлений,
от быстрой гибели. Смотри:
вот здесь, у ваших гор внутри
объёмы наглухо закрыты,
но через плоть известняка,
сквозь мергели и доломиты
течёт невидимо река.

Ты знаешь карту здешних мест:
она меняется сквозь годы.
Вот так и время вечно ест
миров естественных породы.

А мы — не демоны, не сны,
мы — жители иной страны
(нет смысла спрашивать, какой),
но с вами и с мирами всеми
мы связаны одной рекой;
она — Ветвящееся Время.
И ты знаком с её теченьем,
ты занимался неспроста

её планктона изученьем.

Известны здешние места
по кафедрам и городам
сквозь вам неведомые страны;
здесь пролегают океаны,
моря, невидимые вам,
их соль, и глубина, и даль,
и тишина блестящих вод —
всё здесь, под вашей цепью горной.

А н д р е й.

Я думаю, ты всё же — плод
моей усталости сенсорной.
Ты выглядишь, как Левенталь,
как мой коллега. Ты — мираж.

Л е в е н т а л ь.

Нет, я, Андрей — последний страж
того, что более не тайна.
Ты оказался здесь случайно,
найдя на наш последний пост
среди сместившейся породы.
Но вам не видеть новых звёзд:
мы закрываем переходы.
Андрей, не ваша в том вина,
но изменились времена.
Теперь прощай. *(Исчезает).*

А н д р е й.

А что же ждёт
нас – тех, кто остаётся дома?²
Вода иных миров течёт
внутри балканского разлома.
А значит, нам, в ходах незримых,
искать и отмечать следы
неиссякающей воды
среди пустот неизмеримых.

Найду свой путь из темноты,
или меня найдёт спасатель –
узнаешь ли об этом ты,
миров сторонних наблюдатель?²
Мы стёрты ли с твоих картин?²
Или по строгому приказу,
чтобы искоренить заразу,
закрыты мы на карантин?²

Как создан мир – не всё ли нам равно?²
Но, может быть, заклеено окно
лишь на зиму. Так будем ждать весны,
и, может быть, опять в систему карста
придут посланники иной страны,
хозяева невидимого царства?²

*27–28 октября 2007,
Хантингтон*

СЦЕНА

Тане Масалитиновой

Сердца, начертанные мелом,
Пронзала времени стрела.
Актеры занимались делом,
Наладив гибкие тела.

И связки их голосовые
Срывались с дикой высоты,
И расцветали мостовые
Цветами дивной красоты.

Среди кубов, среди трапеций,
За кружев золотых вязаньем
Жива и память Древних Греций,
И верность северным сказаньям.

В их жестах живы гнев и ласка
Среди фарфора мирового –
Я знаю твой обычай, маска:
Брать вечное в сады живого.

*22 января 2008,
Хантингтон*

ДНЕВНИК БЕРГА

1.

Рассматривая поры и каверны,
я отделяю пустоту от света,
пролистывая записи свои.
Заворожённый свойствами предмета,
я очищаю истину от скверны
и разбираю древние слои.

В прогрессе человеческого рода
я вижу очевидные следы
не просто генетического кода,
не только окружающей среды,
но третий фактор, третий компонент:
эмульсия несмытых кинолент;
немыслимое пиршество для глаза;
суть воздуха, огня, воды, земли —
сокровища, достойные рассказа,
под микроскопом Берга расцвели.

2.

Что ж я открыл, о чём ни Карл фон Бэр,
ни Шванн, ни Шлейден не подозревали?
В особо отшлифованном кристалле
какой расшифровал античный свиток?

Каких достиг мельчайших, drobных сфер,
структур и отложений? Что нашёл
я в дымной глубине застывших смол,
янтарный миллионелетний слиток
просверливая огненным лучом,
как будто в некий рай своим ключом
дверь открывая?..

Сотни мелких меток,
подобно тем, что шьются на бельё,
сидят в основе всех существ и клеток,
сплетя сознание и бытиё.

В кавернах наших душ живут частицы,
создания бездонной глубины,
возниче всемирной колесницы,
хранители невидимой страны.
Они древнее клетки и кристалла,
первичнее клетчатки и белка;
их мудрость жизнь ещё не перестала
копировать рукой ученика.
Я это всё здесь говорю к тому,
что эти-то создания и дали
толчок исходный нашему уму
(я опускаю многие детали).

3.

Иначе говоря – свернув с дороги,
где всё решают гены или боги,
я продираюсь сквозь густой репей
на пустырях теории; и снова
в строении наследственных цепей
я чувствую присутствие чужого,
текучего и древнего ума,
наличие особого клавира –
как будто бы история сама
осела плёнкой на основах мира.

Как на музейном дивном полотне,
мне виден результат её работы:
на сдвоенном хрустальном волокне,
идушем через радужные соты,
есть сонм частиц, плетущих нерв и мозг,
вбирающих энергию и время,
так пчелы мёд упрятывают в воск,
так сладкий плод в себе содержит семя –
и эти обитатели как раз,
похоже по всему, создали нас.

4.

Что скажут обо мне через пятьсот
унылых лет? Допустим, так: “Отверг
наш мир естествоведческую веру.
Теперь река забвения течёт
размеренно. И прутик лозоходца
носить приятней, чем всю жизнь бороться
за истину. А вот аптекарь Берг
пытался утвердить свою манеру
анализа и синтеза, но зря:
у нас настала новая пора;
нам лучше жить, не зная, не смотря,
не думая; реторты и пера
труд не для нас; на миллионы лиг
давно уж нет ни опытов, ни книг.
Живём мы без срывания личин,
зато обходимся без зуботычин,
наш мир крупнозернист и холистичен,
не надо в нём искать первопричин”, –
такой вердикт они произнесут,
сочтя меня безвредным идиотом.

А я, когда бы призван был на суд
потомков, копошащихся под гнётом
эмпирики, в их Эмпиреях квёлых –
рассказывать о поисках чудес,
о призрачных, немислимо тяжёлых,
забытых временах; о том, как лес
провербиальный нам из-за стволов
увиделся – не стал бы. Мой улов
выгаскиваю я на дикий брег,
не пользуясь вниманием коллег.

5.

Коллег, признаться, не имею я.
Коллега в нашем веке есть калека:
в обозе у медлительного века
галдят они, как стая воронья,
а то ещё, как чайки или крачки,
когда у нищей лодки рыбака
они слетятся в поисках подачи,
пока сильна дающего рука.
Мне не противно званье мизантропа;
мне кошелька не выдаст меценат;
мой мир – под светлым кругом микроскопа,
в скрещении иных координат.

Там – новый, смелый мир, уже привычный;
частицами взволнованного света
он выгравирован, как ширь морей
вспенённая, ярящаяся; личный
мир, скрытый позади моих дверей;
мой мир натуралиста и поэта.

А что сказал бы Левенгук, мой брат
по цеху? Он-то точно был бы рад.

6.

Так я, Карл Людвиг Берг, аптекарь в Риге,
произношу вердикт в амбарной книге,
как акванавт, достигнув глубины.

Здесь вечности слои застеклены.
На полках мириад моих флаконов,
с ретортами и вытяжкой рядом,
доказывает подлинность законов,
которые аптекарь Берг постиг
не от профессоров и не из книг,
а собственным умом и цепким взглядом.

И всякий, кто откроет мой дневник,
готические буквы разбирая,

поймёт, конечно же, что я проник
в преддверия утраченного рая —
который есть не выдумка, не миф,
не обещание посмертной веры,
хранимое в чулане про запас, —
а память. Может быть, её открыв,
теперь мы станем лучше. Ведь для нас
имеют смысл старинные примеры.

*1–8 февраля 2008,
Хантингтон*

НАТЮРМОРТ

Я никогда не мог понять, зачем
у истины нет чётких атрибутов.
Зачем, всю жизнь взмучив и перепулав,
перебирать крупинки вечных тем?

Не лучше ли набор страстей и фобий
убрать в один учебный кабинет,
с периодической системой лет,
скелетов и графических пособий,

раскрашенных моделей? Школьный класс:
разрозненные знания клочками;
рыданья над разбитыми очками;
рассыпанный металл наборных касс.

Два или три невкусных муляжа
прикинулись мичуринской айвою;
и строчками о “к воле и покою”
колеблется поверхность миража.

*13 марта 2008,
Хантингтон*

УМ

Полезны телу витамины,
душе — концерты и картины,
а что полезно моему
во тьме возникшему уму?

Его и червь сомненья точит,
и цепень страха цепенит,
ему судьба погибель прочит,
и в левом ухе не звенит.

Но за событиями и льдами,
сквозь всех веков и хлад и зной,
он держит мир с тремя китами,
под углой плоскостью земной.

*27 марта 2008,
Хантингтон*

ПРИЗНАНИЕ

Я — член совета тайной лиги,
существовавшей прежде нас,
и ненаписанные книги
скрывавшей от нескромных глаз.

Наш древний опыт беспримерен;
когда на Землю пала мгла,
я знаю: нам был мир доверен,
на нас ответственность легла.

И долго мы во тьме хранили
и алфавитов страстный ум,
и волн усердных праздный шум,
и сонм сокровищ звёздной пыли.

Но неразумные народы,
переполюя твердь и воды,
и время табуном гоня,
уже не слушают меня,
иной энергией согреты.
Им не нужны мои секреты.

Свечой минутною горя,
они уже не в нашей власти,
и не владеет их умом
мысль правильная и простая;
они не знают, что моря
сокрытой мудрости и страсти,
под солнцем истины блистая,
лежат уже за тем холмом.

*2 апреля 2008,
Хантингтон*

ЯЗЫК ПРИРОДЫ

Не в Византиях и не в Риммах,
не в глубине понтийских вод,
а в нас самих, внутри незримых
молекул, есть волшебный код.
Нам неизвестен шифр заветный,
узлов прозрачных рой несметный;
сама природа не смогла
устроить так, чтоб мы читали
её мельчайшие детали
и понимали их дела.

Но мы становимся умнее,
порывшись, по словам Линнея,
у Бога в ящичке стола;
булавкой палец уколов,
зажав в горсти одну-две скрепки,
мы изучаем наш улов
на курсах кройки или лепки,
по форме мокрых листьев чайных,
по траекториям случайных
частиц и высказанных слов.

Жизнь видится, как фильм учебный,
как мир предметного стекла,
и мы читаем текст волшебный
на спиле старого ствола
сквозь почерк солнечной природы:
её обрывы и восходы,
её меняющийся след,
её засушливые годы
и мглистый облик влажных лет.

*8–15 июня 2008,
Хантингтон*

ЗАЛИВ

Я вижу, как, молчание храня,
вдоль берега неслышимо ступая,
нас за руки ведёт судьба полуслепая
прочь от остывшего источника огня.

Мне помнится ландшафт иного дня,
где обитала истина простая,
разрозненную рукопись листая,
магическими струнами звеня.

Тот мир теперь забыт, и суть его странна;
история прошла – но отражённый свет
истекших государств и озарённых лет
ещё живёт, и тянется за мной
в слепящей тишине пустыни соляной,
в иссохшей белизне морского дна.

*9–10 июля 2008,
Бич-Форк – Хантингтон*

НАСЛЕДСТВО

Наследство вымерших времён
на серебре спокойно спит;
их проявил гидрохинон,
их укрепил гипосульфит.

Сочится тускло красный свет,
и Стикса тёмная вода
на дне пластмассовых кювет
вбирает лица и года.

Потомку будет невдомёк,
что мы записывали сны
на влажном серебре, поток
обычной световой волны
в стеклянной линзе преломив.
Он будет думать: это — миф.

*27–31 июля 2008,
Бич-Форк – Хантингтон*

В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА

В былые времена, когда
у человечества звезда
была всего одна,
существовали страсть и грусть,
и книги знали наизусть
в былые времена.

В чужие эти времена
стояла вечная война:
без отдыха и сна
сражались насмерть короли
за выжженный клочок земли
в былые времена.

Звезда светила в облаках,
но в полумёртвых языках
был вычерпан до дна
тот плодородный, древний ил,
что нас от звёздных бурь хранил
в былые времена.

Ещё имелись имена;
слова имели племена
для хлеба и вина,
слова для ячменя и ржи,
слова для истины и лжи
в былые времена.

Их создавал пленённый дух,
их узнавал врождённый слух,
и плакала струна
на дне едва возникших душ,
в пустые дни, в большую сушь,
в былые времена.

*11–12 августа 2008,
Хантингтон*

МИФ

Есть в мире точки, где видна
за дней полупрозрачной тканью
отчаянная глубина;
где затаённого дыханью
видны иные существа,
свидетели особой были,
как в приоткрытое окно.

Они используют слова,
которые уже давно
нам в голову не приходили.

Их речь разумная, живая
для нас — как шорох тростников;
мы слушаем, не узнавая,
слова из наших языков.

Но нам теперь понятно, чья
речь слышится в корнях и кронах,
и в бормотании ручья,
и в жаркой тишине степной;
их параллельный мир земной
основан на своих законах.

И где-то на границе мифа,
среди давно забытых снов,
блестит одно из наших слов —
“*мутáбор!*” аиста-калифа.

*16 августа 2008,
Хантингтон*

ПОРА

Пора собраться в путь обратный
и повторить узор углов
из древних слов и новых снов
на плоскости неоднократной,
оцифровать свои фракталы,
создать длину и глубину,
пройти забытые кварталы,
размыть небес голубизну.

*22 сентября 2008,
Хантингтон*

ВОСЕМЬ МИНУТ

*Памяти
Константина Бальмонта*

Звезда безумная, святая,
встающая в рассветной мгле,
своим сиянием питая
всё дышащее на Земле!
Едва твои огни сверкнут,
твои лучи ударят оземь,
но это занимает восемь
твоих божественных минут.

Свет, приходящий к нам извне,
рождается в твоём огне,
где выгорает звёздный прах;
летя навстречу океану,
пронзает хрупкий небосвод,
и безвозмездно раздаёт
свою магическую прану,
которая в иных мирах
была бы нам не по карману.

Но расточительный и праздный,
самой звезде не нужный свет
готов источник жизни разной,
всего, что будет, есть и было,
питать на миллионы лет,
пока слепящее светило
сжигает раскалённый газ
и знать не ведает о нас.

*24–25 сентября 2008,
Хантингтон*

RUSTICA

Позавтракав, напившись чая,
мы на песке пестрим следы,
себя не слишком отличая
от окружающей среды.

Так жили греки или инки,
и мы живём; и мы росли
на маленьком клочке земли
под звуки пишущей машинки.

Не ждём подачек плутократа,
по репродуктору когда-то
обещанных, ни прочих благ;
мы знаем, что закрыт сельмаг.

Но щиплет вешнюю траву
гусей беспечная орава;
так я живу в деревне — право,
мне всё равно, где я живу!

Здесь небо тучами нависло,
вода полна прыгучих рыб;
пускай наш мир не ищет смысла —
но смысл, я верю, не погиб,
пока в традиционном стиле
прозрачным гелевым стилем
я переписываю были
лет, предназначенных на слом.

27 сентября 2008

Бич-Форк

ДОРОГА

От Дельф до Филадельфии, стопой
нетвёрдою, обрывистой тропой,
без усталы, над миром без огней,
просматриваемым до корня дней;
всегда вперёд, всегда одни,
охвачены историей единой;
открывшеюся горною долиной
освещены. Истёртые ремни
гербарных сеток с давних пор
затянуты, и мы на фоне гор
увлечены случайным разговором
о вольном переводе “Илиады”,
где заняты естественным отбором
существ роящиеся мириады.

*9–15 октября 2008,
Хантингтон*

СНОВИДЕНИЕ

Шумит материи листа,
крылами бьют слова;
под нами – бездна, что темна;
над нами – своды сна.

Когда затеплится заря,
надеюсь, что не зря
мы распакуем рюкзаки
на берегу реки.

И, глядя на свои следы
в прозрачной вышине,
мы вскипятим себе воды
на утреннем огне,

уже успевши заглянуть
в приборы, где видна,
чуть дальше по ущелью, суть
исчезнувшего сна.

*18 октября 2008,
Хантингтон*

БЕРЕГ

Бархатный занавес ночи
звёздную пылью покрыт,
горы стоят у обочин,
тёмное море шумит.

Люди, и звери, и птицы,
волны, и нечет, и чёт
определяют границы
мира, где время течёт.

Здесь, у приморской дороги
из незапамятных дней,
где позабытые боги
прячутся между камней,
пыльными танцами лета,
снежным узором зимы,
связаны скоростью света,
медленно движемся мы.

*22–23 октября 2008,
Хантингтон*

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Нам не видна изнанка дней,
а все написано на ней —
не нашим языком, конечно,
а иероглифами стран,
давно ушедших в океан;
я их расшифровал успешно,
чтоб все увидели, как сквозь
непредставимые порталы
шаловное пламя пролилось
из озаренных измерений,
и занялся огонь творений
в их воплощении земном —
и это не считалось сном.

*Ашланд,
15 ноября 2008*

НАТУРАЛИСТ

Поэма

Пролог

Вы снова здесь, разгаданные коды,
бескрайний сонм распутанных сетей,
мой скромный вклад в познание природы,
скупой анализ квантовых путей.

Но мирное столетие прошло,
и снова мы уязвлены войною;
и в память тех, кто был тогда со мною,
я протираю пыльное стекло.

Давай откроем записи тех лет,
сигналы памяти отборчивой и зыбкой
о том, как изменился этот свет,
и будем думать над своей ошибкой.

1.

Таинственные солнечные токи
тянули груз веществ по руслу дней;
в своё стекло, всё глубже и ясней,
он видел верфи, пристани и доки
больших молекул и существ сверхмалых,
их толчею в кавернах и каналах.

Как Пётр в Голландии неуголим,
неуголим в особой лихорадке,
всё, что развёртывалось перед ним,
Ксаверий рисовал в своей тетрадке,
и в микроскопа освещённый круг
заглядывал, как новый Левенгук.

Очарованье это не прошло,
видения его не охладели.
Князь проводил бескрайние недели,
уставившись в чудесное стекло,
где, слизистый прочерчивая след,
паслись стада маркиза Карабаса,
и так и не сошла за много лет
с его лица блаженная гримаса.

Мерв, давший имя моему герою,
стоял на древнем Шёлковом пути,
там, где чинар с облешего корою
в своём дупле даст место десяти;
где богатеет нынешний сатрап,
державший лапу на поставке газа
(но это не для нашего рассказа);

Мерв, где в песках теряется Мургаб,
к империи был присоединён,
когда отец Ксаверия, полковник,
назначен в асхабадский гарнизон,
для шёлковых червей растил тутовник,
пока ещё не думая о хлопке,
да поощрял парфянские раскопки.

Безоблачное детство в Асхабаде.
Страсть к чтению. Способность к языкам.
Визиты к фирюзинским казакам;
убитый ими тигр в его тетради
(вплоть до последнего ареста, мать
ещё хранила старую тетрадь).
Он часто вспоминал в иной стране,
как вкусно пили чай на топчане
с Билькевичем в густой тени платана,
как пресноводных крабов тех долин
в полуверсте от дикого Ирана
он опускал в прозрачный формалин.

Его вела, знакома и терниста,
естественника дивная стезя,
та самая тропа натуралиста,
которою не следовать нельзя,

та, на которой зрение крепчало,
та, на которой знание росло,
где детским взглядом с самого начала
он заглянул в волшебное стекло,
и многое невидимое сразу
стало понятно и привычно глазу.

2.

Он наблюдал устройство всякой твари,
привычки водорослей и зверей
от Белого до Чёрного морей
и на неапольском стационаре.
Закономерности рядов и серий
в своей тетради рисовал Ксаверий;
он черпал ил от Волги до Онеги,
и свежий генетический жаргон
он применял к тому, что видел он,
точнее, чем учёные коллеги.

По старой карте следуя за Мервским,
мы отмечаем, например, тот год,
когда кружным путём австро-венгерским
наш юный князь достиг фракийских вод.

На станции он занял пост вакантный,
как препарат или лаборант.
Там навещал его экстравагантный
болгарский царь, пытливый Фердинанд.

Морской воды плеснув под микроскоп,
они вдвоём смотрели на амёб
и инфузорий интерстициальных,
в созопольском песке оставив след
в той ясной атмосфере сюрреальных,
немыслимых, последних мирных лет.

Мы знаем, что в 11-м году,
набрав в свои пробирки грязь и пену,
князь ненадолго возвратился в Вену,
отыскивая нужную среду.

Не заходил он в венские кафе,
где Троцкий звал на ауто-да-фе;
не слушал сказок в оперном лесу,
где в 5 утра, едва халат набросив,
трудился император Франц-Иосиф,
от писем отрезая полосу
за полосой для будущих закладок.
Считалось: Ordnung, стало быть, порядок.

Так следовал порядку и Ксаверий:
он рисовал подвластные ему
колонии невидимых бактерий,
неведомые глазу и уму.

Он различал пучки тугих волокон,
строение ячеистых миров,
усеянный рядами мелких окон
двойных мембран устойчивый покров.
В томах своих неизданных заметок
он описал устройство наших клеток;
изображала быстрая рука
сеть гамаков и оболочек скрытных,
пути молекул разобьённо-слитных,
и сборку матриц, и состав белка,
и под копирку созданные коды.
Теперь мы знаем, что никто в те годы
на самых лучших кафедрах Европы
не мог понять того, что видел он.
(Но в мир пришли иные микроскопы,
переменив фотон на электрон.)

Так он бродил по переулкам Вены,
не ведая ни Фрейда, ни войны,
когда, внезапно воспламенены,
вступили в действие иные гены —
те самые, что через триста лет,
в моей лаборатории открыты,
при новом положении планет
изменяют все законы и лимиты.

(Казалось бы, прошли те времена,
когда возможно новому случиться:
и жизни суть давно закреплена,
и царству тьмы поставлена граница;
но мы не знали шума бытия
и спектра времени... А впрочем, я
отвлёкся).

3.

Необыкновенный взгляд,
давно присущий Мервскому, отныне
мог находить искомое в пучине
времени. Он возвращался в Асхабад
начала века; посещал Москву
(где никогда и не был наяву);
особым оком наблюдал Ксаверий
дела всех королей и всех империй;
в кинематографе его ума
мелькали и пожары, и чума.
Но было интереснее вдвойне
сосредоточить взгляд на глубине.

Он всматривался в смену поколений,
в движение молекул и племён;
он был захвачен яркостью явлений
и их наивной частотой пленён.

И неправдоподобные былины,
волшебным взглядом усугублены,
освещены, как венские витрины,
вставали из ушедшей глубины.

Он различал сомнения и цели,
истлевших идеалов торжество,
и все эпохи плавилась и пели
перед глазами серыми его.

А между тем, его волшебный дар
дать князю заработок был не в силах;
давно иссияк солидный гонорар
за довоенный атлас жёсткокрылых;
с вольнского имения доход
уже не шёл с 15-го года;
не выручал случайный перевод –
и он взошёл по трапу парохода,
и в 23-м, тридцати двух лет,
Ксаверий Мервский прибыл в Новый Свет.

Другие шли кто в лагерь, кто на плаху,
а наш случайно уцелевший князь,
к миссионерам присоединясь,
попал на жаркий полуостров Баху.

В краю пустынь, не до конца открытом,
читал тысячелетий палимпсест
и помогал отцам-иезуитам
исследовать природу этих мест.

С ним был тогда на дружеской ноге
французский инженер Léon Diguët,
специалист по кактусам Соноры,
и в этом диком уголке Земли
они, хочю надеяться, вели
за чаркою текилы разговоры.

4.

Ксаверий объезжал свои пустыни,
не зная ни усталости, ни сна,
надписывая чётко по-латыни
изобретаемые имена.

Он обновлял нехоженые тропы,
он открывал подводные миры
и рассылал в музеи всей Европы
свои калифорнийские дары.
И с каждой почтой аккуратный груз
жуков, тысяченожек и медуз
со штемпелем, проставленным в Ла-Пазе,
шёл в Лондон и Париж, Берлин и Прагу,
напоминая им о странном князе.

Диковинная фауна и флора
была лишь тенью вечного узора,
который он пытался на бумагу
скопировать, списать, перевести,
первопроходцем на своём пути
изобретая символы и слоги
и упираясь в скудные слова,
как римские размытые дороги
в дунайские слепые рукава.

Князь иллюстрировал статьи и книги;
мы знаем, что художника талант
в нём отмечал известный Эмбрик Штранд,
профессор университета в Риге.

Смешно и грустно. Всё-таки смешно:
ему открылось чудное окно,
масштаба сверхъестественного карта,
все ангелы на кончике иглы;
а он нарочно размывал углы,
чтобы попасть на уровень стандарта,
стусёвывал мельчайшие детали,
которых современники не знали
и ожидать, конечно, не могли.

Он видел всю историю Земли.

Как юношею он составил свой
подводных тварей каталог подробный,
проникнув зрением в анаэробный,
эвксинских вод холодный донный слой —
так ныне всё наследие веков,
весь груз, что унесли Дунай и Висла,
переводились в символы и числа
и шли в тома его черновики.

Он видел жизнь в осевшем тонком прахе
в лиманах Добруджи, в лагунах Бахи,
и в чёрном вулканическом песке,
и в тонком слое закаспийской пыли —
и высохшие, сбывшиеся были
записывал на новом языке;
подробности бесчисленных событий,
угаданный узор древнейших нитей,
мотивы повторяющихся тем,
ушедших дел мельчайшие детали,
из праха поднимаясь, улетали
из его души неистовый Мальстрем.

5.

За пыльными кулисами природы
он видел то, чего никто не знал,
как Робинзон, события и годы
записывая в полевой журнал.
Фиксировала каждая страница
простор эпох; смрад войн больших и малых;
мысль, янтарём застывшую в веках;
всё прошлое, которое хранится
у вечности в заброшенных подвалах,
у времени на тайных чердаках,
всё то, что отражается в окне
вагона — и в полузабытом сне.
Но стал с годами меркнуть чудный свет,
идуций от событий прошлых лет;
и с некоторых пор заметил князь:
плотнели проницаемые стены
существ и слов, и всё труднее гены
читали узнаваемую вязь.

И он спешил смотреть: как было знать,
как долго ясновиденье продлится?
Любая расшифрованная прядь
времён, любая новая частица,
пройдя сквозь фильтры сердца и ума,
ложились записью в его тома.

И поднимался от воды туман,
и голубое зеркало залива
пересекал паром на Мазатлан
с очередной порцией архива.

6.

В каких бы ни был князь разъездах новых,
он отсылал коллекции в Музей
естественной истории в Софии,
а записи, журналы полевые
и дневники копились у друзей –
у Нины и Семёна Годуновых,
в уютном доме у моста со львами:
тома страниц, заполненных словами
на незнакомом алфавите (он
употреблял особый лексикон
и одному ему известный код).

Елене шёл четырнадцатый год,
когда с отцовской полки род тетради
она открыла любопытства ради,
и навсегда осталась пленена
уверенными, мягкими штрихами
рисунков неизвестного К.М.,
где в мирадах высвеченных тем

хранился дух, испытанный веками,
преображённый гранями кристалла.

Так, полюбив Ксаверия, она
ещё его по имени не знала,
и как героя пушкинских поэм,
воображала своего К.М.

Пять лет спустя сбылась её мечта –
увидеть автора чудесного альбома.
Он появился на пороге дома,
застыв на фоне Львиного моста,
как молния с небесной вышины.

И в тот же год они обручены.

И он отправился в последний раз,
чтоб рукописи вывезти, в Ла-Паз.

7.

И там внезапно, без предупреждений,
его постиг невысказанный удар –
как дождь в песок, ушёл волшебный дар,
утратился его чудесный гений.

Мозг онемел, как при анестезии.
Ксаверий стал вдвойне глухонемым,
втройне слепым. Он видел мир, как слитный
источник шума. В Санта-Розалии
он спал в какой-то хате глинобитной,
питался в миссии, лежал, бродил
по берегу, ступая в пестрый ил,
входил в солоноватые лагуны,
не слыша струн небесных и земных,
не понимая записей своих
искусно зашифрованные руны.

Не чувствуя ни тела, ни души,
не трогая свои карандаши,
не в состоянии сказать ни слова,
в Нью-Йорке, в ноябре 32-го,
Ксаверий Мервский сел на “Лафайет”
и прибыл в Гавр. Тут мы теряем след
его на десять бесконечных лет.

8.

Всё далее случившееся он
воспринимал как смутный, мерзкий сон:
ночной кошмар, как скрежет по стеклу,
сигналы фар через ночную мглу,

перо, застывшее в его руке,
и протокол на русском языке,
и мысль одна, светящая в ночи:
о том, что опоздали палачи.

Им ни к чему теперь досье о князе
от детских лет до тайника в Ла-Пазе;
пытать его не стоило труда –

он следствию не может выдать кода:
его талант утрачен навсегда,
и неизвестна тайная природа.

9.

Однажды осенью, лет через пять,
в одесской одиночке заточён,
он понемногу начал вспоминать
подробности событий и времён,
очнулся от отравленного сна,
и красная пропала пелена,
и солнечная сила потекла
по высохшим каналам и сосудам.

В 42-м году он выжил чудом.

Елена десять лет его ждала.

10.

В учебниках истории земной
найди портрет Ксаверия и Лены –
в развалинах послевоенной Вены
их фото с новорожденной княжной.
За Лидией Ксаверьевной вослед
в течение одиннадцати лет
родились: близнецы Семён и Нина,
Констанция (в честь деда Константина),
Ксаверий-младший и Елизавета,
а в 56-м – Борис и Глеб:
четыре дочери, четыре сына.

Не в силах в будущее заглянуть,
отец не знал, что книгою судеб
его потомству предначертан путь
создателей Последнего Завета.

В них видя ясновиденья крупницы,
Ксаверий обучил своих детей
симфонии травы и песне птицы,
сну целого и радости частей,
величию мельчайшего, итогу
прошедшего и сплаву всех отваг,
и рисовал для них, за шагом шаг,
единственную верную дорогу.

Когда-нибудь и наш потомок верный,
ещё не появившийся на свет,
создаст учебник горестной и скверной
истории последних сотен лет,
и воскресит из атомарной пыли
прошедшее, которое забыли.
И электромагнитная война
две тысячи шестнадцатого года,
и страшные, глухие времена
Большой Зимы и Нового Исхода,
зыбучее нашествие песков,
чума, искоренившая поэтов,
и гибель школ и университетов,
и смерть традиционных языков –
минуло всё. Распался мир на части.
Отдав свои права центральной власти,
все граждане Империи Небесной
влачат свой век в надежде на покой.
И только мы стоим у самой кромки
над вечною открывшеюся бездной,
над огненной забвения рекой –
далёкие, но верные потомки
восьми детей Ксаверия с Еленой,
хранители всех знаний о Вселенной.

Эпилог

В меняющемся облике планеты
и в мире нескончаемой войны
уже непредсказуемы предметы
и правила не определены.

И в наши дни, когда воздвигнут мост
от прошлого к грядущему; когда
в действительности говорит звезда
с звездой в небесах — нам не до звёзд.

Мы знаем, где явлений наших суть
испортилась — но, чтобы новым бедам
путь преградить, нам надо заглянуть
за тот предел, который нам неведом.

Дом Годуновых жив, и мост, и львы,
но жалко, что архивы навсегда
погребены в развалинах Москвы
под грязным слоем векового льда.

И в череде пустых десятилетий
до нас дошёл лишь устный пересказ
тех знаний, что запоминали дети
Ксаверия с Еленой для нас.

Мы не одарены волшебным глазом,
как Мервский, но в глубинах ДНК
мелодия особого смычка
выводит то, что называют — разум.

Ему нужна немалая отвага,
чтоб сохраниться в этих грозных днях,
чтоб выжить, как лишайник на камнях
в ущельях Западного Копетдага,
где триста лет назад, к воде склонясь,
заморожен блистающим потоком,
узор всех дел и всех событий связь
Ксаверий Мервский видел чудным оком.

*16 декабря 2006 — 27 февраля 2007,
Хантингтон,
Западная Виргиния*

Литературно-художественное издание

Виктор Фет

ОТБЛЕСК

Корректор *Э.В. Белоусова*

Технический редактор *О.М. Варакина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Бадалян*

Подписано в печать 00.00.00. Формат 70×90 1/32.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6.4. Тираж 500 экз. Заказ № 147.

НП «Академическое изд-во «Гео»
630090, Новосибирск, просп. Академика Коптюга, 3,
тел./факс (383) 330-79-08, <http://www.izdatgeo.ru>

Отпечатано в типографии «Принтинг»
630071, Новосибирск, ул. Станционная, 60/1,
тел. (383)325-33-44